

СМЕРТЬ
ПОЭТА

60 лет назад ушла из жизни Марина Цветаева

КЛОЧОК ЗЕМЛИ

Без места

Ее нашла хозяйка, Анастасия Ивановна Бродильщикова. Вернулась, а дверь закрыта. Просунула руку в щель, откинула крючок, увидела, закричала. Кинулась к соседям. Те сбежались, но побоялись притронуться. Так и висела улавливающая. Шел человек по дороге, шальной от водки, окликнули — он и снял.

Появился сын — Георгий, домашнему — Мур. Усталый, грязный, злой. Постоял, каменеем лицом, повернулся и пошел прочь. Шел быстро, почти бежал. Пришел врач. Вердикт: худая — значит, мучилась.

Пришел милиционер. Протокол: узел слабый — могла и уцелеть. В графе «род занятий» указал: «Эвакуированная». А мог бы — «поэт».

Хоронить хотели в общей могиле. Тогда в Елабуге умирали много, часто, как будто — охотно. Мур, мальчишка с еврейской фамилией Эфрон, ходил и просил отдельную могилу. Добился, разрешили.

Похоронили 2 сентября. Где? Кто знал — сам умер. Много лет спустя приезжала сестра — Анастасия, бывшая лагерница. Спрашивала. Пьяньский сторож махнул рукой:

— Там.

Ряд холмиков. Безымянные могилы 41-го года. Где-то здесь. В дальнем углу кладбища Анастасия выдернула крест, торчавший из ровной, как лист бумаги, земли. Ничей. Притащила, поставила. Написала табличку: где-то здесь... В иные годы на погосте не похоронили бы — против Господа пошла, против воли его.

Потом, через годы, стараниями Литфонда появились камень, другая табличка — медная, блестящая, и ограда появилась, и цветы в ограде. А крест исчез. Слово и не было.

Без Бога

В бога она не верила, христианство не принимала. Свой поэтический дар не считала Господним даром. Говорила: «Ремесло». Поэтому надо делать так, что «лучше нелзя». Но...

Ходила в церкви — ей нравилась обрядовость. Детей водила в православные храмы: у них должен быть свой счет с Господом.

Когда вернулась в советскую Россию, мрачнела, видя церкви, приспособленные под склады и клубы.

Начиная новую поэму, писала сверху страницы: «Дай Бог». Как заклинание. Не просила поддержки, не испрашивала разрешения, в поэзии она сама была божеством.

И жизнью своей распорядилась сама. Оборвала.

Без любви

Все говорили разное — в деталях, все склонялись к одному — в главном.

Илья Эренбург:

— Если бы она продержалась еще полгода, все бы наладилось.

Борис Пастернак:

— Если бы она продержалась еще месяц...

Не понимали. Принижали. Даже они.

Жизнь лишилась смысла. Без любви — какая жизнь? А ее любовь стала никому не нужна — ни мужу (она не знала, что муж уже расстрелян), ни дочери, ни сыну. Любовь всегда действенна, а она ничего не могла дать им. Муж, Сергей Эфрон, и дочь Аля — в тюрьме. В Москве она носила передачу, писала Берии, хлопоча о свидании, здесь же она не может ничего — даже этого. А впереди зима, грязь, голод. Устала... Даже Мур, ее обожаемый, боготворимый Мур, злится на нее, кричит по-французски, что они напрасно уехали из Москвы, грозит самоубийством, уворачивается от ее рук, от губ.

Раньше, когда было тяжело, спасали стихи. Им обязана жизнью, когда, отчаявшись, в разоренной революцией, выжуженной Москве отдала дочерей в Кундеский интернат. А там — воровство, там — нелюди. Алю забрала чуть живой, Ирина умерла.

Стихи спасали в четырехлетней разлуке с мужем. Видела его в январе страшного 1918 года. Он уезжал на юг, в белую армию. Три года спустя узнала, что Сергей Эфрон в Константинополе, собирается в Прагу. Стала оформлять документы для отъезда.

В Берлине, летом 22-го, увидела

Дочери — Ариадна и Ирина

Сын — Георгий (Мур)

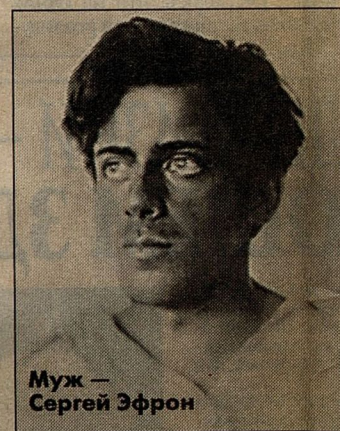
ла мужа. Уехали в Чехию. Жили в деревнях — так дешевле. Кто бывал у них, поражался нищенской неопрятности временного жилья. И восхищался стихами.

Потом — Париж, не сам Париж, а пригороды. Опять-таки — дешевле. Мужа часто не бывает дома. Он изменился, стал работать в Союзе возвращения, подал прошение о советском гражданстве. Позже выяснилось: вербовал добровольцев в испанскую Интернациональную бригаду, участвовал в слежке за сыном Троцкого, причастен к убийству чекиста-невозвращенца Игнатия Рейсса. Когда открылось, НКВД организовал его побег в СССР. Туда же уезжает дочь.

Ехать или не ехать следом? Вопрос простой. Оснований ехать больше, чем оставаться. Там — все понимающий Пастернак, там — читатели, там муж и дочь, там — Родина для сына. Здесь — высокомерные критики вместо читателей, эмигрантская грязь, никаких перспектив для Мура, возлюбленные, которых было много и которые все отказывались от нее, потому что она была немилосердно требовательна и любила не их, а свою любовь к ним, ею жила, оскорбляя этим и отталкивая.

Конечно, ехать! Она не интересовалась политикой — о ней ей рассказывал сын. Она не знала, что арестована и сослана сестра. Она опять собирала документы.

На вокзале их никто не провожал. Было чувство, что едет умирать.

Муж — Сергей Эфрон

Младшая сестра — Анастасия Цветаева

Без сил

19 июня 1939 года Марина Ивановна Цветаева с сыном Георгием вернулись на Родину. Сначала жили на даче НКВД в Болшеве. Дочь Ариадна ездила в Москву на работу и летела обратно, влюбленная в сотрудника «органов», не зная, что он приставлен следить за провалившимся во Франции тайным агентом и его семьей.

27 августа Ариадну Эфрон арестовали. 10 октября пришли за ее отцом. Дачу опечатали. Жильцов выселили — в никуда.

Почему Марина Ивановна осталась на свободе? Должно быть, ее — рано поседевшую, высохшую, с потусторонними «оловянными» глазами — сочли за сумасшедшую. Так уже было, когда во Франции ее допрашивали в связи с исчезновением мужа. Сначала она отвечала на вопросы, потом стала читать стихи... Она не представляла опасности, никакой, даже малейшей, это было ясно и французам и сотрудникам НКВД. Ее оставили в покое, вернее — бросили. А она, напоминая о себе и не понимая, сколь опасна такая надоедливость, дважды писала Берии — заверяла в порядочности мужа и дочери, твердила о их нездоровье.

Зиму и весну 1940 года они с Муром провели в Голицыно. Сначала в Доме творчества писателей, потом им сняли комнату в деревенском доме, откуда они ходили в Дом творчества обедать и ужинать.

В июне приехала в Москву, жила у тех, кто пускал к себе. Работы не было, денег не было, стихи никому не нужны, переводы дают мало. Нервная женщина в застиранной и плохо отглаженной одежде — но иностранной! — всех раздражала, дерзостью своей, резкостью оценок восстанавливала против себя. У всех были свои проблемы, даже у Пастернака, самого близкого по духу, но — сытого, благополучного и дорожающего этим благополучием. А она ждала помощи, писала в дневнике: «Никто не догадается... никто сам не подает». Пришлось просить. Эренбург передал через домработницу конверт с 300 рублями. Взяла и всю ночь проплакала над этим конвертом.

В отчаянии послала телеграмму в Кремль: «Помогите мне. Я в отчаянном положении. Писательница Марина Цветаева». Ее вызвали в ЦК и пообещали оказать содействие. Слово сдержали: Литфонд нашел ей комнату на Покровском бульваре — она осовожидалась на три года в связи с отъездом хозяина на полярную станцию. Надо было заплатить за три года вперед. Она заплатила и потому, позже, уехала в эвакуацию совсем без денег.

А пока она работала над сборником своих стихов. Критик Корнелий Зелинский отозвался о книге, как о «большой, душевной». И вообще, нужны ли советскому

Марина Цветаева.
Рисунок К. Родзевича

читатели стихи, написанные и опубликованные в эмигрантских изданиях?

Новых почти не было. Трудно писать, когда твоя поэзия не нужна. Признание среди коллег — совсем немногих — не вдохновляло, не радовало, ей была нужна всенародная слава. На нее она втайне надеялась, уезжая из Франции, ее не нашла на Родине.

Жизнь никогда не улыбалась ей. Она записала в дневнике: «Жизнь, что я видела от нее, кроме покоев и покоев».

Без надежды

О войне узнала на улице — из открытого окна чьей-то квартиры. Все обрушилось в день. Снова — в путь, снова — в неизвестность.

В эвакуацию уезжала с группой писателей на пароходе «Советская Чувашия». Провожал Пастернак.

— У вас есть какая-нибудь еда?

— А разве на пароходе не будет буфета?

Он бросился на поиски хоть чего-нибудь. Что-то нашел, вынул, купил, принес. Взяла.

Часть писателей поселили в Чистополе, втором по величине городе Татарии, часть — в Елабуге. Пыталась найти хоть какую-нибудь работу — ничего. Приехала в Чистополь, просила Асеева замолвить слово, разговаривала со многими, но будто уже не жила — доживала.

Лидия Чуковская вспоминала разговор с ней в те предсмертные дни:

— Тогда, в Чистополе, я неосторожно сказала ей: «Хорошо, что Ахматова не с нами, она непременно погибла бы, ведь она ровным счетом ничего не может». Марина Ивановна закричала: «А вы думаете, я — могу?».

На собрании Литфонда выступал Тренев, прославившийся пьесой «Любовь Яровая». Клеймил, называл белоэмигранткой и вообще Цветаева должна жить там, куда ее направили. Но остальные были за нее. Теперь — работа. Она написала заявление: «В совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве

ве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда».

— Ну почему же — в судомойке? — спросили с упреком. — Будет буфет.

— Нет, я тут же просчитаюсь. А мыть посуду я умею.

В той столовой должны были работать жены писателей и многие оказавшиеся в Чистополе писательницы. Так, сообщая, легче было выжить, все это понимали, и на каждое «штатное» место было несколько желающих. Но ее заявление обещали рассмотреть.

Она уехала в Елабугу. Сказала сыну, чтобы готовился перебираться в Чистополь. На следующий день, 30 августа, перебрала решение. Ей обещали верную работу в местном совхозе, в овощехранилище. Мур вечером устроил скандал.

— Я помеха на твоём пути, — сказала она. — ее надо устранить.

— Об этом надо подумать, — сказал он.

Она писала: «Человеку нужно не так уж много — всего клочок твердой земли, чтобы поставить ногу и удержаться». У нее не осталось такого клочка.

Прощение

Через два года Георгий Эфрон, избалованный матерью Мур, надменный и лохотный, превратился в молодого человека, много испытавшего, повидавшего и много знающего о жизни. Лишь тогда он сказал, что мать была права, поступив так, что он ее понимает, что ее последний шаг был мужественным и мудрым. И ушел на фронт, где и погиб в 1944 году при невыясненных обстоятельствах.

Дочь же, Ариадна Эфрон, 16 лет проводившая в ГУЛАГе, никогда не судила мать. Когда ей разрешили переписку, она получала от нее письма — старые письма, написанные, когда Марина Ивановна еще была жива. Почта работала безупречно.

Стихи Цветаевой вернулись к читателям в конце 50-х годов. В далеком 13-м году она написала: «Мои стихи, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Пришло время Цветаевой.

Крест на предполагаемом месте захоронения Марины Цветаевой. Сейчас креста нет...

Ксения ПАЛЕВИЧ

Прощание

Наконец-то она осталась одна. Последние дни ее всегда окружали люди — мешали, злили. Она раздражалась, мечтала об одиночестве и страшила его. Она знала, чем все кончится, готовилась, она не знала лишь — когда. Сегодня? Завтра? Через неделю?

И вот — одна. 31 августа Елабужский горсовет призвал жителей и эвакуированных на расчистку полосы под аэродром. Расплатиться обещали щедро по военным нынешним временам — буханкой хлеба. Мур пошел. Пошел не один, а с хозяйкой дома. Потом ушел муж хозяйки.

Мария Ивановна села к столу и стала писать. Ничего другого в жизни она не умела. Ничего другого не хотела уметь. Только сейчас она писала не стихи — письма. Как в свое время Маяковскому, Рильке, Пастернаку...

Три письма. Строчки рваные. Сплошные тире, за которыми содержания больше, чем в словах.

Первое — сыну:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты...»

Асееву:

«Дорогой Николай Николаевич! Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сына... Я для него ничего не могу и только его гублю... А меня простите — не вынесла...»

Тем, кто будет ее хоронить:

«Не оставьте Мура... Не похороните живой! Хорошенько проверьте».

Прошла в сени. На балке под потолком — крюк. С приезда приметила, в первый же день. Вспомнила, как писала в дневнике год назад: «Никто не видит — не знает, — что я год уже ишу глазами — крюк». Судьба.

Вот июль, - 2001. - 30 авг. - с. 8.